

У р и н а
Щ е р б и н а

ВЕСЕННИХ ФРЕСОК
МНОГОЦВЕТЬЕ

Ирина Щербина

**Весенних фресок
многоцветье (сборник)**

«У Никитских ворот»

2018

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Щербина И. В.

Весенних фресок многоцветье (сборник) / И. В. Щербина — «У Никитских ворот», 2018

ISBN 978-5-00095-473-7

В новую книгу Ирины Щербины «Весенних фресок многоцветье» вошли рассказы, разнообразные по тематике, характеру и эмоциональному настрою. Они, словно яркие живописные мазки, дополняют друг друга, сливаясь в единое красочное полотно, название которому – жизнь. Непростые судьбы героев книги никого не оставят равнодушным. Все рассказы воспринимаются свежо, с интересом и заставляют читателя примерять на себя описанные ситуации, остро чувствовать, размышлять, сопереживать.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-473-7

© Щербина И. В., 2018
© У Никитских ворот, 2018

Содержание

В начале лета	6
Липовый ангел	9
Весенних фресок многоцветье	11
Кукла Мила	17
Выполнено!	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ирина Владимировна Щербина

Весенних фресок многоцветье

© Щербина И.В., 2018

© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2018

* * *

В начале лета

В саду под высокой сучковатой яблоней приютилась коляска. Совсем новенькая, весело сверкающая никелированными колёсными спицами. Пора стоит чудесная, самое начало лета. Густые облака, несколько дней застилавшие небосклон, наконец-то расступаются и открывают нежное, акварельно прозрачное небо. Выглядывает солнце, и его лучи будто шутя в один миг проникают сквозь тёмные корявые ветви, блестящим фонтаном сыплются на новую, ещё не запылённую листву, на петляющие грунтовые дорожки, на шелковистую траву. Хорошо становится в саду, празднично. А вокруг всё такое молодое, свежее. Солнечные блики – непоседливые озорники и проказники, никак не желают утомиться. Они резвятся и играют, щедро разбрасывая зыбкие, ослепительно яркие пятна. Ах, не доведут эти игры до добра! Так и есть. Под яблоней слышится лёгкий шорох, а за ним и странное урчание. Ведь коляска-то не пуста. В ней лежит человек.

Человека зовут Никита, что означает «победитель». Но какой уж там победитель! Козявочка малая, да и только. Слабое беспомощное тельце кажется бледным, словно мелованная бумага. Загар ещё не лёг на тонкую сморщенную кожу. Руки и ноги не слушаются своего хозяина. Тяжёлая, обрамлённая светлым пухом голова смешно запрокинута назад. Тонкие жилки выются по вытянутому черепу голубыми ручейками. Приоткрытый слюнявый рот оголяет рыхлые беззубые дёсны. Разбуженный Никита несколько раз моргает и пытливо пялится на окружающий мир сонным, ничего не понимающим взглядом. Сладкая дрёма неспешно слетает с припухших век. Во влажных, слезящихся глазах, словно в двух зеркальных осколках, отражается всё многоцветие летнего дня. Никита в изумлении. И ведь действительно есть чему удивляться! Ещё недавно тёмный, унылый сад вмиг сказочно преображается и становится подобен волшебной пещере, наполненной горами золота и драгоценных камней. Вот бы собрать всю эту роскошь, сгрести жадными ладонями, распихать по карманам! Но Никита ничего не знает о земных сокровищах, манящих кладах, несметных богатствах. Он просто нежится на солнышке. Окружающая красота так естественна, но полна неожиданностей, может быть, даже опасностей. Вот что-то лёгкое, светлое срывается с ветвистого орешника и порхает, мельтешит перед глазами. На секунду замирает и снова оживает, подкрадывается совсем близко. Никита волнуется, морщит безбровое лицо и уже хочет заплакать. Невесомое существо пролетает мимо и скрывается за густым кустарником. Никита переводит дух. К сожалению, он ничего не знает о бабочках-капустницах, да и о бабочках вообще. Ещё миг – и снова сюрприз. Яблоневая ветка, та, что ближе всех наклонилась к коляске, вдруг вздрагивает от внезапного порыва ветра и шелестит охапкой кудряво закрученных листьев. Никита пугливо жмурится, потом приоткрывает один глаз. Постепенно любопытство вытесняет страх. Очень хочется сорвать ближайший листок, но неумелые пальцы хватают воздух. Ещё одна попытка, ещё и ещё. Наморщенный лоб покрывается потом. Наконец заветный лист крепко зажат в руке. Он оказывается прохладным. С одной стороны – гладким, с другой – мягким, ворсистым, покрытым выпуклыми прожилками. Никита удивлённо округляет глаза. Куда ни глянь, всюду сплошные странности. А сколько тайн, сколько загадок вокруг! Вот громкие незнакомые звуки наполняют весь сад:

– Кви-кви, – несётся откуда-то сверху.

Чей это голос? Никита вжимает голову в плечи, съёживается. Невидимый певец старается на славу. Ему вторит другой, не менее одарённый.

– Тью-тью, кви-кви-тью!

Вдруг – тишина, безмолвие. Никита тревожно вслушивается. Многоголосый гомон взрывает тенистые дебри. Это птицы. Но кто они такие – эти птицы?

Восьминогий скалолаз спускается с самой вершины яблони. Едва заметная паутинка натянута, как струна... Мохнатая закорючка ползёт по тёмной растрескавшейся коре... Шустрая букашка тащит неподъёмную соломинку... Никита ошеломлён. Зрачки расширены, ноздри раздуваются от волнения. Сонный разум не поспевает за бурной действительностью. А шальной ветер гудит в древесных кронах, тревожит зыбкую листву. И каждое дерево трепещет и дрожит по-своему. Соседская девочка хохочет, играя в мяч. Вдалеке рычит газонокосилка. Разнообразные звуки переплетаются между собой, сливаются и бурлят. Хочется ворваться в эту шумную вакханалию. Так хочется, что шея раздувается от натуги, неумелые губы корчатся в безмолвной судороге, несколько раз примеряются и снова отступают. Наконец язык занимает нужное положение.

– Гу-гу-гу, – несётся из коляски.

– У-у-у, – одобряюще вторит ветер.

Он успел облететь всю округу и собрать дивные запахи, гуляющие без всякого присмотра. Это ароматы скошенной травы, листвы и полевых цветов, дыхание сочного лета и ещё чего-то неведомого, но такого притягательного и влекущего. Никита счастлив, он смеётся. Солнце искрится на мокром подбородке. Взгляд скользит по бархатной щетине газона. У самого забора уже зацвёл душистый шиповник. За изгородью – поле, лес, река, соседние сёла, родной город. А ещё дальше – другие города, другие реки, леса, поля. Целый мир! Но для Никиты существует только то, что видится сейчас, в настоящий момент. Этот сад, эта яблоня и ещё женщина с тёплыми ласковыми руками. Кстати, где она? А, вот, совсем рядом. Стройная фигурка присела у клумбы, возится с рассадой.

– Мы-мы, – выводит Никита. Облизывает губы, смешно вытягивает и снова складывает их бантиком.

– Мы-ма, ма-ма, ма-ма!

Светловолосая женщина поворачивает голову, быстро подходит к коляске. Она понимает Никиту без слов и ещё – умеет улыбаться одними глазами.

– Ну вот, Никита Романович проснулся! Сейчас обедать будем. И погода сегодня отличная, и пюре наше давно готово...

Ловкие руки умело обтирают слюнявый рот, гладят по плечу. Погода великолепная. Никита лукаво шуруется от удовольствия. Через весь сад несётся протяжное «ма-ма-ма-ма».

Нет, это не его мама. Никите Романовичу девяносто шесть лет. Он герой Великой Отечественной войны, кавалер ордена Красной Звезды, участник штурма Берлина. Он живой свидетель разных исторических эпох, потомок древних фамилий, автор многочисленных мемуаров, интереснейшая личность и кумир нескольких поколений. А ещё... А ещё – Никита ничего этого не знает. Инсульт разбил его тело, склероз отнял память. Этот щуплый старик пережил двух жён, бесчисленное количество переездов и ремонтов. Его дети выросли, отпрыски размножились и разлетелись по всему земному шару. Ухаживает за Никитой внучка Мария, домашнему Маруся или просто Мара. Ей сорок пять, и она совсем одна. Такой уж характер. Как говорится, одинока по жизни. И всё вроде бы давно устоялось, но пару лет назад свалился на неё, как снег на голову, парализованный Никита Романович. Заботиться о нём некому, все родственники заняты. Ну не сдавать же благородного предка в дом для престарелых. Такой почётный человек, да и семья приличная.

– Присосалась к инвалиду, как пиявка, – судачат злые языки. – Знаем мы таких бесребрениц! А персональная пенсия? Подарки ко Дню Победы? А квартира на Пречистенке? Загородная дача? Племянник из Америки деньги присылает, двоюродная сестра медикаменты бесплатные достаёт. Это всё не в счёт?

«Пустые сплетни», – думает Мара. Тонкие морщинки, словно солнечные лучики, таятся в уголках глаз.

Когда-то в детстве Маруся ужасно боялась своего заслуженного деда. Его парадный мундир, многочисленные орденские колодки и строгий голос вызывали первобытный, почти животный страх. Сейчас беззащитный Никита Романович – единственное близкое и дорогое существо на свете. Как хорошо, что закончилась зима и ветреная весна миновала. Начало лета – это ведь какое-то чудо!

Мара стоит рядом с блестящей новенькой коляской. Волнующее, донныне неведомое чувство бесконечной материнской нежности, подобно тёплому южному ветру, наполняет женскую душу любовью и покоем. Вдруг кажется, что время поворачивает вспять. Ещё чуть-чуть, и у подростка Никитки прорежется первый зубик, отрастут волосики. Он встанет на шаткие неокрепшие ножки, сделает неуверенный шаг и побежит по извилистой садовой тропинке. Как жаль, что нельзя изменить неумолимые законы природы! Но маленькому человеку в инвалидной коляске это неведомо. Словно тонкий росток, тянется он к небесному свету и широко улыбается беззубым ртом. Никита знает, каждой клеточкой своего организма чувствует: всё только начинается. Впереди много тёплых ясных дней, впереди целое лето и целая жизнь. Жизнь долгая, бесконечная.

А ветвистая яблоня, давным-давно посаженная его заботливыми руками, радостно шумит над головой.

Она уже сбросила свой подвенечный цвет. Молодая завязь робко выглядывает из мягкой листы. Каждый год эта яблоня родит прекрасные наливные яблоки. Они терпеливо ждут своего часа – крепнут, краснеют, наполняются медовым соком, наконец созревают и падают на рыхлую, согретую солнцем землю.

Липовый ангел

Ангел жил в левом приделе церкви Петра и Павла. Он был умело вырезан из липы и венчал витиеватое деревянное обрамление иконы Казанской Божией Матери, которая испокон веков считается первой заступницей и помощницей во всех делах. Волосы круглолицего ангела завивались пышными кудрями, на сложенных крыльях виднелись гладкие пёрышки, пухлые губы застыли в улыбке, а глаза казались немного усталыми, осоловелыми. Ангел пребывал в спокойном созерцании. Покрытый толстым слоем золотой краски, он вместе с прочей утварью служил для украшения храма.

У иконы Богоматери всегда толпился народ, всё больше женщины, пришедшие помолиться о своих близких. Они ставили свечи, опускались на колени и шептали имена мужей, сыновей, отцов. Потом заглядывали в бездонные очи Пресвятой Богородицы, робко прикладывались к её руке и снова что-то шептали. Ангел любил и жалел прихожанок. Многих из них он хорошо помнил.

Однажды к иконе подошла тоненькая девушка, совсем ещё девчушка, хрупкая, как вербовая веточка. Глаза её покраснели, и без того узкое лицо осунулось.

«Всю ночь проплакала», – решил ангел.

Стоя на коленях, девушка твердила слова заученных молитв и безотрывно глядела на Богородицу. Уже и служба закончилась, а она всё молилась.

– Сохрани раба Божьего Алексея, – шептала она. – Защити его от врагов, от недугов, от гибели. Пресвятая Богородица, сохрани раба Божьего Алексея...

В то время шла Первая мировая война. Тут уж и без слов всё стало понятно. Жениха на фронт забрали, вот и пришла, горемычная, душу отвести. Ангел девушке посочувствовал, растерянная она вся какая-то, исстрадавшаяся.

«Помочь бы ей. Да чем же я помочь смогу? – подумал он. – Я просто деревянный истукан, для красоты поставленный. Может быть, Божия Матушка помилует несчастную, за её суженого заступится».

Ангел задремал. Он спал. Иногда просыпался на миг и снова засыпал. Издали доносились тихие дрожащие голоса, просьбы, горькие вздохи. Потом услышал он, как грузный дьякон, читая поминальные записки, басил:

– Упокой душу раба Божьего Михаила, Сергия, Иоанна, Алексея...

«Не уберегла Богородица Алексея, – подумал ангел. – Не заступилась».

Он точно знал, что это именно тот Алексей, за которого просила худенькая девушка. Ангел вообще многое знал. Только изменить ничего не мог.

Во время Великой Отечественной бабы и вовсе покой потеряли, украдкой потянулись в церковь. Таясь и озираясь, шли они к иконе Божией Матери и молились, молились...

Ещё одна девушка запомнилась, остроглазая. Платице простенькое, рукавчик фонариком. Вроде бы ничего особенного нет, а взгляд такой: посмотрит – испепелит! И ведь комсомолка, а в церковь прийти не испугалась. Видно, уж и идти ей больше некуда было, просить не у кого. Она и молитв никаких не знала, а только твердила:

– Пресвятая Богородица, защити раба Божьего Николая, сохрани его от вражеской пули. Спаси и помилуй.

А дьякон, он уж, конечно, был не прежний, а новый, высокий и статный, всё читал поминальные записки:

– Упокой душу раба Божьего Серафима, Бориса, Павла, Олега...

Ангел вздрагивал от этих нехитрых слов. Сразу ему представлялись лица женщин, что ещё вчера вот здесь перед ним стояли. Такие разные они были: молодые и старые, красивые и не очень. И ведь все чуда ждали, верили, что пусть хоть всю землю огонь сожжёт, а Богоро-

лица возьмёт да и сохранит их любимых, ненаглядных, единственных. Представлял ангел, как читают эти женщины сухие слова похоронок, как замирают под непосильной тяжестью безмерного горя. Самому плакать хотелось, но ничего не поделаешь. Война есть война. Кому-то и погибать надо. Только всё-таки казалось, что и он, ангел, виноват во всём этом: не сберёг, не заступился.

«А как я сберегу-то? – оправдывался он. – Кто я такой, чтобы сберечь? Никому помочь не могу».

Годы шли, но ничего не менялось. Ангел по-прежнему возвышался на своём месте, всё так же слушал просьбы и даже порядком устал от них. Он уже и на прихожанок почти не смотрел. Краска на нём потускнела, местами облупилась. Сердце очерствело, стало совсем деревянным, липовым.

В церкви царил полумрак, от зыбкого мерцания свечей было дремотно. Ангел спал. Иногда только богобоязненная Марфа, старушка, прислуживающая в церкви, прикасалась к нему влажной тряпкой, снимала пыль.

– Ах, миленький ты мой, – приговаривала она, поднимаясь на табурет. С пола до резных крыльев было не дотянуться.

Проснулся ангел весной.

– Вот сюда иди, сердешная, сюда. – Марфуша подвела к иконе русую девушку в ситцевом платочке. – Казанская Божия Матушка в этом деле скорая заступница. Да не плачь. Куда направляют-то его? В горячую точку. Ну да, да. Ох уж эти горячие точки. Когда же они закончатся! Да ты помолись, легче станет.

И девушка начала молиться:

– Сохрани и помилуй раба Божьего Александра, сохрани и помилуй!

Голос у просительницы был тихий, трепетный, как ручеек весенний:

– Сохрани и помилуй! – девушка крестилась и снова повторяла: – Сохрани и помилуй!

Ангел посмотрел вниз и встретился с её взглядом. Свечи были поставлены, молитвы прочитаны, а девушка не уходила. Она смотрела только на него, на ангела, и всё просила, всё уговаривала:

– Ну спаси его, пожалуйста, сделай хоть что-нибудь! «Да что же такое творится! – ужаснулся ангел. – Столетия пролетают, а женщины всё идут и идут в церковь. Уж их судьба и гнёт, и ломает, а они всё тянутся вереницей, всё просят и просят за любимых! Неужели не вымолили они жизнь для своих Иванов, Андреев и Владимиров? Почему не слышит их Господь? Хоть бы уж помог им кто-нибудь, донёс бы их просьбы до Бога. А я? Я ведь ангел. Пусть не настоящий, пусть липовый, но ангел ведь!»

Стыдно стало за себя, горестно. Сколько же можно спать! Ангел расправил слежавшиеся крылья. Старая краска посыпалась с резных перьев. Ангел встрепенулся, распрямылся и взмыл под самый купол храма. Деревянная оболочка с глухим стуком ударилась о каменный пол.

– Родненький мой, – причитала Марфа. – Да что же случилось? Клей, что ли, разохся? Сколько лет держался, и ничего, а тут вот те на!

Но ангел уже летел в небо. Он парил над улицей, устремляясь всё выше и выше. Только он мог долететь до Бога, донести до него сокровенные женские просьбы. Он мчался ввысь, и ввысь эта была бесконечна, необъятна и всепоглощающа. А с клиросов уже несло:

*Христос воскрес из мертвых,
Смертию смерть поправ
И сущим во гробех
Живот даровав.*

Пасха. Наступила Пасха. Христос воскрес!

Весенних фресок многоцветье

В этом году настоящая московская весна наступила неожиданно, будто невзначай. Зима тянулась бесконечно долго. Город терпеливо переживал морозы, вьюгу и патологическую хандру. Обыватели всё ждали и ждали естественных природных изменений, тех, что непременно к лучшему. Потемневший снег уступал место грязным лужам, дорожный гололёд – распутице... Но всюду царила прежняя унылая серость. Всеобщая надежда на счастье, подорванная авитаминозом и острыми респираторными заболеваниями, поутихла, почти совсем иссякла. И вдруг – непривычное южное тепло, солнечные брызги и дурманящий аромат цветущей вербы. А на календаре – май в самом своём зените!

Я выхожу из церковной лавки, что расположена в подвале храмовой пристройки, блаженно замираю на широком каменном пороге. Всё окружающее наполнено, даже переполнено редкой благодатью. Рядом со мною стоит и жарко дышит в лицо она – Весна. Да не какая-нибудь ветреная предвестница обновления, а истинная Весна-красна – полнокровная, румяная. Надо же было такому случиться: клейкие почки быстро выпестовали юную листву, нежная трава поднялась над землёй, омытой первыми грозами, колесо года развернулось, даря миру животворный покой и возрождение. А я, погружённая в будничную суету, заметила это только сегодня, сейчас. Поистине радостное мгновение! Настроение отличное: небо, покрытое нежной рябью перистых облаков, безмятежно-ласково, на дне кармана удачная покупка – верёвочные тесёмки для детских нательных крестиков. Даже в рыночных рядах таких днём с огнём не сыщешь, а в церковной лавке – пожалуйста: тоненькие, прочные, разноцветные!

В полуденные часы храм малолюден. На дворе тишь да покой. Только лёгкое «шурх, шурх»...

Я оглядываюсь. Нескладный детина, дворник или церковный прислужник, ломает сухие прошлогодние ветки, аккуратно складывает их в вязанку. Вид у него серьёзный, даже суровый. Этаким тургеневский Герасим – угрюмый, молчаливо-мятежный. Смотришь и не понимаешь: то ли перед тобой великий грешник, то ли – великий праведник?

Шурх, шурх...

И снова безмолвие.

Кажется, что привычная маета столичной жизни осталась где-то там, за условной чертой древней белокаменной ограды. Сытый пушистый кот мягко ступает по брусчатке, до блеска отполированной тысячами ног. Сонные нищие томятся праздностью, но всё же не покидают своих мест.

– Купи пару бутылок пива и сигареты, – командует щуплый попрошайка, протягивая деньги молодой нищенке, сидящей рядом. Я замечаю, что на его правой руке не хватает пальцев, кажется, мизинца и безымянного.

Девушка порывисто поднимается, ковыляет прочь. Она колченога. Волосы покрывает косынка: неровный клоч шифона, украшенный абстрактным узором сизых и лиловых пятен.

– Winston lights! – несётся вдогонку.

Хромоножка вздрагивает. Её мягкие, красиво очерченные губы улыбаются, обнажая ряд мелких гнилых зубов. Щуплый нищенке нравится. А может быть, она дарит свою просветлённую улыбку каждому встречному?

Одинокая прихожанка подходит к воротам, осеняя себя долгим крестным знаменем. Брошенные монеты звонко стучат о дно жестяной банки.

– Спаси, Господи! Спаси, Господи!

Беспалый калека привычно крестится кургузой рукой. На пешеходном переходе мелькает фиалковая косынка. По ту сторону дороги уличный ларёк – заветная цель хромоножки. Невольно люблю её силуэтом, издали напоминающим фигурку тряпичной марионетки,

примы кукольного театра. Трудно поверить, что в ломаной утиной походке может таиться столько грации. Упорно вглядываюсь вдаль, но глаза слезятся от слепящей яркости. Это солнце пробивается сквозь облака, золотит купола храма. И в мареве медового света всё окружающее видится по-новому. Ох уж эта Весна-красна! Даже дворники, нищие и коты кажутся сегодня особенными, торжественно воцерковлёнными.

Вокруг храма раскинулся погост. Вниз к пруду тянутся неровные, сильно разрушенные ступени. А слева и справа от них, всюду, куда ни кинешь взор, могильные холмы, кресты да надгробия. Ограды и оградки всех мастей теснят друг друга в нелепой борьбе за сантиметры бесплодной почвы.

При взгляде на всё это неожиданно представляется знойный приморский город, старый жилой квартал, так называемый частный сектор. Всевозможные постройки, словно ласточкины гнёзда, лепятся к гористому склону. Сарай, навесы, гаражи, дома с бесчисленными мансардами и террасами – всё впритык, вперемешку. Вроде бы нет причин для беспокойства. Фундаменты прочны, черепичные крыши основательны, но общее нагромождение зданий кажется шатким, временным, словно пена на морских камнях, словно лёгкий налёт на поверхности планеты. Поселение, лежащее передо мной, совсем другого рода. Это – некрополь, последний приют земной жизни. И веет от него чем-то незыблемым, вечным.

Медленно шагаю вдоль могил, в очередной раз убеждаясь, что русские кладбища обладают неким своеобразием. Здесь нет западной строгости, нет восточного аскетизма. Славянская «долина скорби» более всего напоминает лоскутное одеяло: яркое, цветастое, порой нелепое в своей пестроте. Убранство каждого захоронения соответствует вкусам заказчика, поэтому разнообразию форм и материалов нет предела. В силу этих противоречий или вопреки им общий вид кладбища вовсе не скорбный, а праздничный, жизнеутверждающий. Пасха уже миновала. Могилы щедро осыпаны остатками яичной скорлупы, украшены венками, утыканы обгоревшими свечками. Размышления о бренности бытия то и дело прерываются наблюдениями пустыми, суетными.

Вот ослепительно-жёлтый крест. Густая краска недавно легла на железные завитушки, повисла липкими каплями.

«Сомова Авдотья Никитична. Дата смерти – май 1985 года».

С поблёкшей фотографии смотрит на меня почтенная старушка. Лицо её тоже блёклое, ничем не примечательное, среднестатистическое. Видимо, один из современных потомков Авдотьи Никитичны – внук, правнук или внучатый племянник – надумал привести в порядок заброшенную могилу. Для этого благого дела он и раздобыл масляную краску.

«Достал её, конечно, на халяву», – сразу понимаю я. Передо мной уже, словно живой, стоит молодой Сомов. Черты лица всё те же, мелкие, ничем не примечательные. Мужчина осторожно крадёт к складу предприятия, где работает охранником. Там, за фанерной дверью, – ряд металлических банок. Завезли их только вчера.

– Краска для бордюров, оттенок «мокрый асфальт», – поведал грузчик Виталька.

«То, что нужно», – тут же смекнул Сомов, замыслив план изъятия.

Это было с утра, а теперь ночь, прежние хитроумные планы сами собой испаряются. Сомов трусит. На лбу выступает липкий пот. Сбоку таращит свой глаз камера видеонаблюдения. Каждая собака знает, что она не работает, а всё равно боязно.

«Поймают – уволят! Позора не оберёшься. И всё из-за какой-то ерунды!» – ругает себя новоявленный грабитель, но, дрожа, отжимает хлипкую задвижку, дёргает дверь.

Тишину пререзает предательский скрип. В помещении темно, пахнет сыростью. Сомов медленно передвигается по бетонному полу, цепляется за ступеньку, с трудом удерживает равновесие, беспомощно шарит руками и наконец нащупывает пузатые банки. Вот они, в углу на стеллаже. Парализованный страхом мозг судорожно соображает:

«Тара небольшая, литровая. Надо прикинуть, сколько краски уйдёт на крест и ограду. Одного литра не хватит, значит, надо брать два, а лучше – три».

Первые попавшиеся под руку банки громоздятся друг на дружке.

«Бежать, скорее бежать отсюда!»

Впереди беспросветный мрак, каверзная ступенька и отвратительный дверной скрип. Сомов опрометью несётся прочь, подальше от злополучного склада.

Краска скрывается под ворохом форменной одежды, потом выносится через проходную и отлёживается на домашних антресолях. Спустя полгода Сомов едет на кладбище. Там он наконец-то откупоривает многострадальные банки и громко чертыхается. В банках действительно краска, но не тёмно-серого, а пронзительно-канареечного цвета. Только психически ненормальный может выбрать такую! Сомов прокликает грузчика Витальку вместе с его «мокрым асфальтом», ругает себя самого за простоту и доверчивость. Но деваться некуда, не возвращаться же обратно! Начинается ударный труд. Наждачная бумага ожесточённо грызёт витые узоры ограды, щетинистый помазок гуляет вверх-вниз, вверх-вниз, и тяжёлые капли краски, словно жёлтые слёзы, катятся по кресту. К вечеру работа окончена. Усталый Сомов переводит дух, умиленно смотрит на солнечно-яркое распятие, а после на такие же сверкающие церковные купола и вспоминает бабушку Авдотью. Когда-то она гладила его по голове, пихая в детскую ладошку двадцать копеек на мороженое. И вот теперь он отплатил ей добром – облагодетельствовал неухоженную могилку. Родственный долг выполнен, можно смело ехать домой. Там на кухонном столе – заслуженный кусок кулича, рюмка водки и селедка под шубой, но Сомов медлит, всё стоит и ждёт чего-то...

Вся эта история видится так явственно, что я начинаю сомневаться, является ли она плодом моего воображения. Может быть, это фрагмент просмотренного кинофильма или отрывок из забытой книги?

Отвожу взгляд в сторону и тут же упираюсь в строгий обелиск – образец нарочитой серьёзности. Вокруг ни травинки. Только мрамор и бронза. Гладко отшлифованный камень и благородный металл. На одной из граней – мужской полуанфас.

«Евгений Михайлович Шимм. Академик». Ниже философское: «Where did the time go?»

Тонкий нос, большие залысины, внимательный взгляд. Да-да, даже теперь, когда Шимм уже не человек, а каменное изваяние, взгляд его сохраняет прежнюю пытливість, заинтересованность. Мне тоже становится любопытно: какой академией наук он был признан? Над чем работал? Сколь велик результат этих трудов? Возможно, Шимм был математиком, физиком, лингвистом, или он известный астроном, ныне облачённый в чёрную мраморную мантию?

Проход между могилами образует узкую аллею. Неспешно продвигаюсь по ней. Слева от академика Шимма покоится чета Касторских. Погибли в автокатастрофе. На ум приходят слова из сказки: «Жили счастливо и умерли в один день». Грустная сказка.

Следом широкая надгробная плита. Она испещрена буквами и украшена овальными металлокерамическими портретами, издали похожими на медальоны. Я насчитываю семь таких медальонов. Изучаю надписи и никак не могу взять в толк: кем приходятся друг другу эти люди? Фамилии, отчества, годы жизни – всё различно, никаких совпадений. Кто они: братья и сёстры? Мужья и жёны? Родители и дети? Прямо какая-то «великолепная семёрка»!

Совсем рядом сиротливо приютилась скромная могила. Более чем простенькая ограда, деревянный крест да самодельная лавочка. Но место это не забыто, чисто убрано и украшено цветами. На новенькой табличке аккуратно выведено:

«Зоя. 7 лет. Скончалась в 1921 году».

У подножия креста лампадка с нарядными красными оконцами, конфеты и детские игрушки. Светлую печаль сменяет удивление и даже умиление. Ведь надо же! Существует человек, который помнит девочку, умершую почти столетие назад, тот, кто поддерживает огонь в лампаде, кто приносит на детскую могилку сладости и плюшевых медвежат!

Бреду наугад, убеждаясь в своём открытии: вокруг меня и вправду настоящий загробный город с его улицами и домами, старожилками и новосёлами.

«Зименко Василий Фёдорович. Вечная память», «Ирина Аркадьевна, 1936–2007. От безутешных мужа и детей», «Сёмушкины Ольга и Олег», «Хасанова Эльвира. Помним, любим, скорбим», «полковник», «врач», «бизнесмен», «1956», «1990», «2012»...

И всюду человеческие судьбы, да не просто жизненные истории, а увлекательные рассказы, повести и романы! Я отрываюсь от окружающего разнообразия и обращаю свой взгляд ввысь. Туда, где плывут облака и колышутся кроны деревьев. Зелёные, жёлтые, синие пятна сливаются в яркой живописи солнечных бликов. Какая-то крошечная, почти незаметная взору пичуга поёт столь отчаянно, столь самозабвенно, что хочется разрыдаться просто так, без всякой причины, как плачут новорождённые младенцы, ошеломлённые ощущением собственного бытия. И вдруг поэтические строки, возникшие неизвестно откуда, начинают роиться в моей голове, тесня и захлёстывая друг друга.

Весенних фресок многоцветье...

Кажется, что эти слова я искала всю зиму, да что там – зиму, всю свою жизнь! А теперь они появляются сами собой, без всяких потуг, будто бы сыплются с неба. Вооружившись огрызком карандаша, рыскаю по карманам. Вот – старый медицинский рецепт. Через минуту он уже исписан вдоль и поперёк. В ход идут использованные автобусные талоны, рекламные проспекты, обрывки газет. Оказывается, даже глупая привычка хранить всякий ненужный хлам иногда может сослужить добрую службу! Плюхаюсь на первую попавшуюся скамейку и пишу, пишу, пишу...

Спустя четверть часа я наконец-то откладываю карандаш и отрываюсь от своих мыслей. Неожиданно чувствую на себе чей-то пристальный взгляд. Вдруг чудится: соседний куст таинственно шевелится, разворачивается и начинает оживать, словно сказочный лесовик. Ветки куста дрожат. За ними я замечаю старика в потёртой вельветовой куртке защитного цвета. Именно эта куртка и ввела меня в заблуждение. Она так гармонично сливается с окружающим ландшафтом, будто является его неотъемлемой частью. Мужчина приветливо кивает головой и спокойно продолжает своё дело. Он высаживает рассаду в большой могильный цветник. Работа уже близится к завершению. Усталый труженик не спеша разгибает сгорбленную спину. Видимо, прежде он был плечист и кряжист, но с годами иссох изнутри, сморщился.

– Бог в помощь, – нахожусь я.

Старик снова добродушно кивает. Улыбается он не столько губами, сколько глазами, необычайно светлыми, будто выцветшими от времени.

– Что вы пишете? – интересуется мой немногословный собеседник.

– Стихи, – говорю я и сама удивляюсь странности своего ответа. Писать стихи на кладбище – это же смешно...

Но старик не смеётся. Судя по выражению лица, он считает, что подбор рифм – занятие не менее важное, чем уход за цветочной рассадой.

Я встаю и направляюсь к выходу, невольно любясь нарядным цветником. Кажется, что дикие бабочки присели отдохнуть на рыхлый чернозём, принеся на своих крыльях самые удивительные сочетания красок.

– Очень красиво!

– Да, *Viola tricolor*.

Я округляю глаза. При чём здесь какой-то триколор? Это слово ассоциируется с антеннами спутникового телевидения, ну, может быть, отчасти с российским флагом...

Мужчина смущённо морщит лоб.

– Ой, извините! всю жизнь проработал в ботаническом саду, вот и привык к латинским обозначениям. Конечно, этот цветок всем известен как анютины глазки. *Viola tricolor* – его научное название. Каждый год высаживаю здесь эту прелесть в память о любимой сестре. Её тоже звали Аня.

Теперь уже я понимающе киваю головой и внимательно приглядываюсь к могиле. На мрамор памятника нанесены два портретных изображения. Одно принадлежит совсем юной девушке.

«Пахомова Анна Ивановна. 21.10.1925– 27.11.1941», – читаю я и сразу обращаю внимание на дату смерти: ноябрь 1941 года. Представляю то далёкое время. Пятый месяц Великой Отечественной войны. Линия фронта проходит всего в нескольких десятках километров от Москвы. Город на осадном положении. Ведутся регулярные удары немецкой авиации. Жители столицы призваны на строительство оборонительных сооружений...

Будто предвещая мой вопрос, старик продолжает:

– Вы, наверное, думаете, что сестра погибла от разрыва бомбы или фугасного снаряда? Нет, причиной её смерти стал дифтерит. Впрочем, это не так уж и важно. Ведь в любом случае кончина шестнадцатилетней девушки является трагедией.

– Я с этим согласна.

С любопытством рассматриваю лицо Анны. Оно миловидно, по-детски округло. Лоб высок, брови гордо изогнуты. В твёрдой линии подбородка скрыта внутренняя сила, может быть, даже стойкость. Гладкие волосы зачёсаны на прямой пробор. Шею окаймляет светлый отложной воротничок. Такой фасон мне хорошо знаком, я видела его на бабушкиных платьях.

– Удачный портрет...

– Здесь фотография, которую сестра сделала прямо перед войной. Мастерская находилась недалеко от нашего дома. Вся улица туда бегала. И фотограф был из местных, настоящий мастер, можно сказать, художник, – отзывается старик, приседая на корточки и стирая пыль с выпуклых боковин цветника.

– Всегда стараюсь высаживать цветы в середине мая, – неожиданно говорит он. – В это время рассада уже способна хорошо укорениться. К сожалению, в силу различных причин некоторые кустики иногда гибнут, пропадают. Но уж те, что приживутся, обильно цветут до самых заморозков.

Я не отхожу от мраморной плиты. На втором портрете изображён мужчина средних лет. Сразу понимаю, что он – близкий родственник покойной Анны Ивановны. Тип лица тот же самый, но все характерные черты выражены ярче, рельефнее. Крутой лоб изрезан продольными морщинами, подбородок шире и тяжелее, брови гуще. Строгий костюм и тугий галстук родом из восьмидесятых.

– Это ваш брат? – интересуюсь я и вопросительно смотрю на старика.

Он медлит с ответом. В его облике, будто в покрытом патиной зеркале, одновременно отражаются лица мужчины и девушки с надгробной плиты. Да, старик очень похож на них обоих, особенно на мужчину. Вчитываюсь в надпись под портретом:

«Пахомов Анатолий Иванович. Родился 17.03.1936». Дата смерти отсутствует.

– Никак не соображу, в чём дело.

– Да что же здесь соображать? – удивляется мой собеседник. – В прошлом году я заказывал памятник для сестры и вдруг задумался о себе. Людей моего возраста часто беспокоят мысли о смерти. Вот думал я, думал и решил изготовить каменную плиту сразу на двоих. Для сестры и для себя. Так сказать, заранее, про запас. Теперь вам всё ясно? Анатолий Иванович, тот, что на памятнике, – это я и есть. Только фотографию для портрета взяли старую. На ней мне около пятидесяти.

Я растерянно улыбаюсь. Теперь мне и в самом деле всё ясно.

Мы с Анатолием Ивановичем сидим на чугунной скамье и разговариваем обо всём на свете: размышляем, философствуем, вспоминаем.

– Вы правда считаете, что нет ничего предосудительного в том, чтобы загодя приготовить себе могильное надгробие? – вопрошает старик, глядя на меня своими чрезвычайно светлыми, будто линялыми глазами. – Многие думают, что всё это как-то не по-человечески, не по-христиански...

Неопределённо пожимаю плечами.

– Преждевременная забота о месте своего захоронения... Почему бы и нет? В какой-то степени такое решение даже удачно. Особенно для тех, кто не имеет близких родственников: детей и внуков.

– И дети, и внуки у меня есть, – откликается Анатолий Иванович. – Но ведь у молодых своих проблем хватает. Зачем их лишней раз озадачивать, от дел отрывать? Не хочется мне после кончины быть кому-то в тягость. А так вот что получается: деньги на похороны и поминки у меня уже отложены. Остаётся только цветник с мраморной плитой в сторону отодвинуть да на место поставить. Почти никаких хлопот!

Я молча представляю своих собственных детей, ещё совсем маленьких, но таких любимых, таких дорогих. Поступок Анатолия Ивановича вдруг кажется особенно трогательным и уж если не по-христиански праведным, то, несомненно, благородным, по-отечески самоотверженным.

– А в Бога вы верите? – неожиданно интересуюсь я. – Знаете, я раньше о Боге даже не задумывался, – отзывается Анатолий Иванович. – Не приучали нас к такому, да и некогда было задумываться. Я верил в силы природы, в лечебные свойства трав, в законы физики и химии, а вот чтобы искренне верить во Всевышнего... К этому нужно прийти. Теперь я понимаю, что всё на земле не просто так. Слишком много необъяснимого, непознанного. Слишком много удивительных совпадений. Да и вообще, чем ближе к миру иному, тем ближе к Богу. Вы меня понимаете?

– Конечно, понимаю.

Мы покидаем кладбище. За спиной – ярко-жёлтый крест, анютины глазки и «Where did the time go?» Под ногами стелется неровная брусчатка. Где-то за хозяйственной пристройкой раздаётся знакомое «шурх, шурх»...

На паперти храма – нищие в ожидании милостыни. Выгребая из карманов монеты покрупнее. Одна из побирушек, та, что в сизо-лиловой косынке, одаряет нас ангельской улыбкой. Тут же словно из-под земли вырастает щуплая мужская фигура. Инвалид уже сидит рядом с хромоножкой, мелко крестится беспалой культёй и заученно тараторит:

– Спаси, Господи! Спаси, Господи!

Удивительно, какой же он всё-таки вёрткий и пронырливый, этот нищий.

У церковных ворот мы с Анатолием Ивановичем любезно раскланиваемся. Он спешит на троллейбус, а мой дом через дорогу.

– Ну, до свидания!

– Всего доброго.

Весело ускоряю шаг, тороплюсь. Меня ждут дети, недописанные строчки и кудесница Весна-красна. Анатолий Иванович скрывается в прошлом, там – его сестра, прожитые годы и портреты на могильных плитах.

Подойдя к переходу, я всё же оглядываюсь. Будто почувствовав этот порыв, старик тоже останавливается и радостно машет на прощание. В его блестящих глазах, точно в прозрачных озёрах, отражается золото солнца, синь неба, зелень деревьев... И я понимаю, что глаза эти вовсе не тусклы, как казалось мне прежде. Напротив, они лучезарны и многозначительны, словно сегодняшней день, словно пёстрые цветы и человеческие судьбы, словно долгожданное весеннее многоцветье.

Кукла Мила

I

Где кукла Мила появилась на свет, она и сама не знала. Скорее всего, на одной из фабрик по производству игрушек. Мила вышла очень хорошенькая: румяная, голубоглазая, с круто завёрнутыми ресницами, нежными пухлыми губками и длинными белокурыми локонами. У Милы была мама – добрая улыбчивая девочка, шалунья и всеобщая любимица. Скучать с такой затейницей не приходилось. Девочка всё время играла: то в дочки-матери, то в школу. После обеда она сажала Милу в игрушечную коляску и катала по извилистым парковым дорожкам. Солнце озаряло свежую зелень, мелкий гравий шуршал под колёсами. Прохожие останавливались и восхищались, глядя на куклу и её маленькую хозяйку: «Ах, какие милые, какие обаятельные! Прелесть, да и только!»

Однажды девочку нарядили и повели фотографироваться.

– Не пойду без Милы! Ну можно, можно я возьму её с собой? – заупрямилась та.

Что делать? Взяли и куклу. В фотосалоне Мила оробела, но вскоре успокоилась. Со стен ей улыбались всевозможные красавицы. Горели яркие лампы, а лысый мужчина – фотограф – заглядывал в окошко загадочного чёрного аппарата, щёлкал пальцами и командовал:

– Поверни голову чуть левее, вот так! Замри, не двигайся. Сейчас вылетит птичка. Отлично! Ещё разок. Ну, вот и всё. Готово!

Птичка почему-то не вылетела. Ни кукла, ни девочка так и не поняли, откуда она вообще должна была взяться. Но отсутствие птички никак не повлияло на качество фотографии. Она получилась отличная: большая, выразительная, напечатанная на толстой матовой бумаге. На этом фотоснимке Мила и её владелица были обворожительны: обе в праздничных платьях, с пышными кудряшками и бантиками, одним словом – красавицы!

Вот так Мила оказалась фотомodelью. А в кого ещё может превратиться хорошенькая куколка? Да в кого угодно! Достаточно надеть корону – и ты уже принцесса. Можно стать актрисой, врачом, певицей и машинисткой. Стоит только захотеть. Мила и вправду очень хотела начать новую интересную жизнь. Но заботливая девочка уже грозилась ей пальцем:

– Это не так просто. Всему нужно учиться. Для начала – поступи в институт. А я помогу: сделаю тебе взрослую причёску и смастерю билеты. Это такие маленькие листочки, на которых написаны сложные вопросы. Ответил на вопрос – в институт поступил, не ответил – не поступил.

Началась новая игра под названием «подготовка к экзаменам». За окнами бушевала молодая листва. Необходимые знания никак не лезли в тряпичную головку, а безжалостные детские пальчики всё совали под нос опостылевшие экзаменационные билеты:

– Учи, учи, учи!

Тут-то и произошло нечто совсем неожиданное. Мила влюбилась. Да не в кого-нибудь, а в писаного красавца по имени Ванька-встанька, в неугомонного озорника с каштановой завитушкой на лбу. Вот уж интересная это игра – любовь! Игрушки целовались на скамейке под ветвистой липой и клялись в вечной верности. Но весёлый неваляшка принадлежал конопатой соседке, которая вместе с родителями уезжала на море. Так влюблённые и расстались. Ванька укатил в солнечную Ялту, а зарёванная Мила осталась дома.

«Чух-чух-чух», – пыхтел удаляющийся поезд.

«Тук-тук-тук», – стучало разбитое сердечко.

– Не плачь, моя бедная, не плачь, несчастная! Будет и у тебя настоящий жених! – приговаривала девочка, доставая с полки упитанного целлулоидного голыша.

Свадьба – это тоже очень красивая игра. Торжество удалось на славу. Всё как положено. В руках невесты букетик из белых ромашек, на голове тюлевое покрывало, одно из тех, которыми бабушка украшала необъятные пуховые подушки. И гости в полном сборе: картонная балерина, жёлтый барбос с атласным бантом на шее, новенькая грузовая машина, свинья-копилка, немецкий заводной слон. Все веселились от души. Кавалеров не хватало, но куклы не обращали на это внимания, танцевали друг с другом. Яркие юбочки лихо кружились в воздухе, а раздухарившийся слон медленно перебирал железными ногами и неуклюже вальсировал то с одной, то с другой хохотушкой. Вот уж смеху-то было!

А потом начались серьёзные взрослые игры. Мила играла в семью. Она исполняла роль примерной жены и матери двух маленьких непослушных голышей. Ух, тяжело!

– Вот тебе помощница, – сказала девочка и поставила на стол толстую краснощёкую матрёшку. Мила не очень обрадовалась такому соседству, но понемногу свыклась. Конечно, деревянная матрёшка была грубовата и неотесанна, но зато отличалась простодушием и сердечностью. Этих качеств как раз многим недостаёт. Гораздо сложнее было смириться с привычками непутёвого мужа.

«Ну стал бы он хоть немного другим! – мечтала Мила. – Таким же шустрым и бойким, как Ванька-встанька».

К сожалению, целлулоидный голыш был не Ванька-встанька. Он играл по своим правилам, которые требовали умения «хлопнуть по маленькой» и «сообразить на троих».

Играл голыш, играл и доигрался до настоящей беды. Однажды беспородный щенок Джек увидел его брошенным на дворовой лавке. Со всей силой молодого звериного организма пёс впился клыками в хрустящий целлулоид. Голова, руки и туловище голыша были так изуродованы, что узнать его оказалось практически невозможно. Хоронили несчастного в старой обувной коробке.

«Кап-кап-кап», – лились кукольные слёзки.

Всё-таки похороны – это очень печальная игра. На поминки пришли самые близкие: картонная балерина (уже сильно истрёпанная и помятая); грузовая машина без передних колёс; жёлтый барбос с оторванным бантом; слон, который утратил чудесную способность передвигать ногами. Свиньи-копилки не было, к тому времени она уже разбилась.

Теперь Миле досталась роль вдовы. Кукла загрустила. Её ручки поникли, румяные щёчки побледнели, даже посерели. Блестящие глазки-бусинки и прежде никогда не закрывались, а от горя вовсе остекленели. Но игра продолжалась. Такая уж доля у взрослых кукол: надо играть в работу, надо играть в хозяйство. И всюду только надо, надо, надо...

Фарфоровые гимнастки, которые жили за створкой серванта, стояли выше всех игрушек. Поэтому они первыми заметили, что к Миле начал навеваться холостой сосед – плюшевый мишка, такой грузный и неповоротливый, но всё-таки ужасно обаятельный. И начались вечерние посиделки. Для своей любимицы девочка сшила новое ситцевое платье, смастерила жемчужное ожерелье и колечко из конфетной фольги. Мила преобразилась. Она угощала мишку чаем. Игрушечный сервиз был праздничный, беседы – душевные, пироги с повидлом – вкусные. Так они играли до тех пор, пока эта игра всем не надоела.

– И чего без толку таскается! – возмущалась матрёшка, умевшая «зреть в корень».

– Он нам мешает! – кричали капризные голышки.

– Каждый день встречаются, а какой в этом смысл? Любит он её или нет? – гадала картонная балерина.

«Ах, пустое это всё, пустое», – решила Мила и перестала пускать медведя на порог.

Расстроился мишка или нет, Мила так и не поняла. Расставание – это такая игра, где никогда не поймёшь, кто выиграл, а кто проиграл. Позже фарфоровые гимнастки рассказали,

что плюшевый кавалер начал наведываться на чай к разноцветной пирамидке, стоявшей в гостиной. Почему бы и нет?

Время шло, и постепенно к Миле прицепилась новая игра – в больницу. Ох уж, не очень-то весело играть роль больной. Но Мила не жаловалась, ведь резиновый Айболит всегда приходил на помощь. Он выписывал горькие лекарства, ставил кукле градусник, а иногда даже делал уколы.

Вы думаете, что только люди стареют с годами? Нет. Всё на свете когда-нибудь дряхлеет, изнашивается. Со временем Мила стала совсем ветхой. Ватные ножки отваливались, голова трещала по швам, кукольное сердечко билось с перебоями. Вместе с другими игрушками Мила подолгу сидела на высокой бабушкиной кровати, смотрела на блестящую хромированную спинку этого старомодного ложа, на белые тюлевые покрывальца, украшающие пуховые подушки, и вспоминала прошлое. Всё окружающее давно стало антиквариатом. Кукла и сама превратилась в антиквариат – такую же редкость, как кровати на панцирных сетках, пышные перины и узорчатые подзоры. Игра закончилась. Когда-то нежное личико поблёкло, материя на нём сморщилась и потемнела от времени, волосы поредели, утратили свой золотистый оттенок. Густые ресницы выпали, но глаза остались прежними: блестящими и ярко-голубыми, словно небо. Одна за другой куда-то пропали знакомые с детства куклы-подружки. Наверное, их отдали соседской ребятне. Исчезла потускневшая и треснувшая в нескольких местах матрешка, исчезла картонная балерина, исчез немецкий заводной слон. Вскоре исчезла и бабушкина кровать, которую заменили современным мягким диваном. Мила пылилась в дальнем углу комнаты. Потом не стало и её. Скорее всего, Мила попала на свалку, куда выбрасывают старые, отслужившие свой век вещи. А может быть, переселилась в специальный игрушечный рай. Ведь наверняка существует такой рай, куда отправляются сломанные куколочки, рваные мячи, убитые оловянные солдатики и потёртые плюшевые зверушки...

II

Милина хозяйка, кстати говоря, её звали Люся, к тому времени повзрослела и превратилась в симпатичную девушку. Фигурка у неё была складная, губки пухлые, глаза светлые, а волосы русые, с приятным тёплым отливом. Загляденье! Люся уже закончила десятилетку и готовилась к вступительным экзаменам в вуз. Поступать она надумала в политехнический. Это был очень популярный институт, и абитуриентка гордилась своим выбором. Когда-то прежде она мечтала стать учительницей, стоять у школьной доски с толстой книгой и указкой в руках. Потом решила быть актрисой, такой, как Вертинская или Ларионова. Нет, лучше – певицей. Очень хотелось выступать в «Голубых огоньках», блистать на сцене. Для этого нужно, чтобы узкое чёрное платье обтягивало грудь, а на воротнике переливалась вышивка из блестящего стекла. Позже, начитавшись приключенческих романов, Люся надумала сделаться геологом, колесить по бескрайним сибирским просторам в поисках редких минералов и ценных пород. Теперь все детские фантазии казались несерьёзными и даже смешными. Люся вступала в настоящую взрослую жизнь и для начала распрощалась с наивной косичкой. Возвращаясь из парикмахерской, она гордо несла голову, на которой красовалась модная «фантазия» – последнее достижение современных цирюльников. Вступительные экзамены были уже на носу, но предаваться зубрёжке совсем не хотелось. В пыльном городе стояла нестерпимая жара, и Люся отправилась на дачу. Там и воздух был чище, и мысли свежее.

– Учи, учи, учи! – заставляла себя Люся, а сама всё отрывалась от скучных учебников и смотрела в окно. Она припоминала, как когда-то, маленькой несмышлёной девчонкой, бегала по этим дорожкам, таская за собой смешную тряпичную куклу. Тогдашняя Люся мечтала о невероятных чудесах, о сказочных приключениях. И вот теперь всё самое интересное только начиналось.

Первое увлекательное приключение произошло с Люсей уже в тот же день. Она влюбилась. Дачный сосед Ваня Корсаков теоретически был моложе Люси лишь на пару месяцев, а практически отставал от неё на целый учебный год. Он только что закончил девятый класс. Но эти подсчёты казались бессмысленной формальностью. Крепкий широкоплечий Иван был на целую голову выше миниатюрной Люси, к тому же он казался намного смелее, раскованнее. И всё этот мальчишка знал, всё видел! Он зачитывался Ремарком и Хемингуэем, отдыхал в пионерском лагере «Артек» и был лично представлен известному поэту Михалкову, который написал слова к гимну Советского Союза. По Ваниным рассказам, тот как-то заходил в их просторную квартиру на Калининском проспекте. Ванин отец продвигался по партийной линии и занимал очень высокую должность (о ней почему-то всегда говорилось шёпотом). Сын тоже строил наполеоновские планы. Он мечтал о своей собственной карьере, о серьёзной работе, такой же важной и самоотверженной, «как у бати». Иван отличался необыкновенной целеустремлённостью. Но сейчас в его жизни были каникулы, ласковые подмосковные вечера, светловолосая девушка и беспокойный аромат цветущего лета.

Влюблённые часто стояли у реки, иногда поднимались на мост, чтобы посмотреть, как бурлят и переливаются бездонные водные потоки. Разговаривать не хотелось. Иван и Люся брались за руки, медленно шли прочь, потом останавливались в тени старых лип и сплетались в неумелых объятиях, как будто сами превращались в гибкие ветви и корни могучих деревьев. Незаметно наступали сумерки. Это значило, что нужно возвращаться домой, а они всё целовались и никак не могли оторваться друг от друга. У палисадника Люсиной дачи юная пара вновь обменивалась поцелуями, теперь уже быстрыми, почти не касающимися губ, такими, чтобы никто не увидел. Никто и не видел.

Дома Люся долго не могла уснуть. Она ёрзала и вертелась в постели, сбивая непослушное одеяло. Успокоиться не удавалось, не получалось, и всё тут. Заброшенные учебники неровными стопками громоздились на старом столе. Люся вздыхала, охала и уже в дрёме представляла себя женой директора завода, министра или дипломата. Одним словом – Ваниной женой.

Незаметно наступил июль, пора было возвращаться в Москву. В судьбе Ивана Корсакова намечались перемены. Его отца переводили работать в Крым. Вроде бы на вышестоящую должность, и вроде бы ненадолго. А может быть, просто подальше от центральной власти. Ванина мать разрывалась между двух огней. Отпускать мужа одного она не хотела, потому что на юге, да и не только там, много ушлых бабёнок, мечтающих заполучить чужого мужика, в особенности если этот мужик крупный начальник. Бросить сына в столице женщина тоже не могла, боялась, что без должного надзора тот свяжется с дурной компанией и пропадёт. В конце концов было решено ехать к морю всей семьёй.

Прощание состоялось под теми же старыми липами. Молодые обнимались, клялись в вечной любви, строили планы на будущее. Ветер растрепал Ванины волосы, и Люся разглаживала эти непослушные каштановые волны своей ладонью.

– Я буду писать, – обещал Иван. – Ты и не заметишь, как пролетит целый год. Это же не вечность, это всего лишь год. Закончу десятый класс и приеду в Москву поступать в институт. А ты уже будешь студенткой. Мы станем гулять по городу, пойдём в кафе, в ресторан, если захочешь! Ну не плачь же, не плачь.

Ваня целовал Люсины глаза, губы, холодные мокрые щёки. Он уже сам чуть не плакал.

– Потерпи, – шептал он. – Ещё немного, и мы всегда будем вместе, слышишь, всегда!

Всю ночь Люся не сомкнула глаз. Она и сама не знала, отчего так убивается. Переполнило ощущение пустоты, одиночества и полной безысходности. Наутро Люся села за учебники. Подготовка к экзаменам помогала немного отвлечься от бесконечной тоски.

В институт она всё-таки поступила, хотя с трудом.

Еле-еле набрала положенные баллы. Через месяц пришло письмо от Ивана. В него была вложена фотография с короткой надписью-росчерком «Ялта». Люся долго рассматривала

любительский снимок, на котором уютно разместился улыбающийся Ваня. Его обнажённый торс лоснился от загара, нога упиралась в морской валун. И хотя фотокарточка была чёрно-белая, сразу становилось ясно, что небо на ней лазурно-голубое, море тёмно-чернильное, а Ванино тело шоколадно-бронзовое.

– Устроились мы хорошо, – сообщал Иван. – Я уже обошёл все чеховские места, видел школу, в которой буду учиться...

В тот же вечер Люся села писать ответ. Сочиняла его долго, старательно выбирая слова. Затронула и поступление в институт, и литературный вечер, на который ходила вместе с подругой, и сюжет нового фильма. Перечитывала, перечёркивала, начинала заново. Хотелось написать просто и коротко: «Ваня, приезжай скорее. Я очень скучаю. Я люблю тебя и думаю только о тебе». Но это звучало бы слишком примитивно и банально. К утру письмо было готово: переписано мелким аккуратным почерком и слегка сбрызнуто духами. Гору черновиков Люся порвала на мелкие кусочки, а запечатанный конверт отнесла на почту и собственноручно опустила в железный ящик, выкрашенный синей масляной краской.

Промелькнул остаток лета, наступила осень. Ответ от Вани не приходил. Люся не знала, что и предположить. Может быть, неизвестные злоумышленники перехватили любовное послание на полпути, и оно не добралось до адресата? Или Иван переехал в те места, где вообще не было почты? Или?.. О плохом думать не хотелось. Люся решила написать второе письмо. Оно было намного короче первого и почти всё состояло из вопросительных знаков: «Где ты? Как учишься? Что нового? Почему не пишешь?»

Ответа не последовало. В голову лезли самые ужасные фантазии: Иван умер, заболел неизлечимой болезнью, стал жертвой несчастного случая... Люся долго разрабатывала план спасательной операции: она поедет в Крым, разыщет пропавшего друга, поговорит с ним или хотя бы увидит место его гибели. Но прошло время, и почему-то стало понятно, что ничего ужасного не случилось. Незачем придумывать нелепые аварии, катастрофы и кораблекрушения. Всё казалось намного проще. Иван забыл её, променял на другую, предал. Обида сжимала горло неожиданными слезами. Люся закрывала дверь и подолгу сидела одна в полной темноте.

Понемногу она успокоилась, хотя по привычке всё ещё заглядывала в почтовый ящик, а проходя по Калининскому, тревожно оглядывалась, будто искала кого-то.

Пролетели два года. На радость родителям, у Люси появился ухажёр. Им оказался её однокурсник Митя, долговязый парень с добрыми водянистыми глазами.

Сразу видно, что человек серьёзный, порядочный. Поначалу Митя не обращал на Люсю особого внимания, а после начал провожать до дома, приглашать в кино и на танцы. Этот бесхитростный роман закончился весёлой свадьбой. Родственники не могли нахвалиться, какая же Люся умница: высшее образование получила, диплом защитила и при этом в девках не засиделась. Всё вовремя, всё как положено.

На семейное торжество пригласили всех: и друзей по институту, и соседей, и родню. Из Ленинграда приехала двоюродная сестра Танечка. Она с детства бредила танцами, окончила балетное училище и вот теперь взахлёб рассказывала, что уже получила приглашение в труппу Мариинского театра. А это не хухры-мухры! Осенью премьера – «Спящая красавица» Чайковского. И, представляете, Танечка там танцует! Конечно, не главную партию, но всё же.

Люся немного волновалась, но это волнение придавало ей особое очарование. Тонкие пальчики сжимали традиционный свадебный букет, белоснежная фата подчёркивала нежность кожи, а золотистые локоны выбивались из-под неё так трогательно и наивно. Гости были в ударе. Давний приятель Андрей так и сыпал шутками, анекдотами, тостами. Ради такого случая он нарядился особо торжественно – светлый пиджак, шёлковый галстук. Настоящий фронт!

– Слишком много пьёт, – шепнула Люсина тётка.

– Да ладно тебе, Шура, свадьба ведь! – ответила новоиспечённая тёща и ласково улыбнулась сестре.

Сама тётя Шура отличалась тем, что могла добыть любой дефицит. Со скоростью света перемещалась она от ГУМа к ЦУМу, от специализированных магазинов к галантереям. И везде у неё были связи. Лакированные туфли хочешь достать? Шарф купить? Пальто импортное? Бюстгальтер большого размера? Это к Шуре надо обращаться. Спекулянтка, конечно, но без неё никуда.

Ещё на свадьбу был приглашён сосед Лев Иванович Герц, то ли немец, то ли еврей по происхождению. Человек он был уважаемый, солидный. И пост занимал ответственный – начальник продуктового склада. Несмотря на свою тучность и постоянную одышку, Герц первый предложил устроить танцы и даже принёс несколько пластинок из своей собственной коллекции. Галантный Лев Иванович медленно вальсировал с Люсиными подружками. В его мясистых руках они казались фарфоровыми статуэтками с пышными, взлетающими в такт музыке юбками. Девушки хохотали, а те, кому не хватило пары, танцевали друг с другом. Всё равно весело, всё равно хорошо!

Галина Семёновна сидела в самом углу на диване. Она была болезненно экономна и к концу жизни собрала приличные сбережения. Как и многие не раз обманутые люди, государству и банкам Галина Семёновна не доверяла, поэтому хранила все деньги дома, под истёртым матрасом и в старом шифоньере. Своим знакомым, исключительно честным и порядочным гражданам, она часто одалживала небольшие суммы, за что получила ласковое прозвище – Копилочка.

– Хватит веселиться! – призывала гостей к благоразумию тётя Шура. – Нужно и совесть знать. Жениху с невестой почивать пора.

Но разве молодёжь утихомиришь? Гуляли до утра, да ещё и на следующий день. Красота!

Жить решили у Мити. Он вместе с матерью был прописан в частном доме на самой окраине города, где для молодожёнов нашлась отдельная комната: узкая, с окнами на север, но всё-таки своя собственная.

«Вот она, семейная идиллия», – думала Люся и восторженно рассматривала свадебный подарок – импортный чайный сервиз с аккуратными розочками и золотой каёмкой по краю чашек. Лев Иванович, щедрая душа, расстарался.

Свекровь Люсе сразу не понравилась. Крепко сбитая, вечно румяная, будто после бани, хохлушка Матрёна Петровна уж тридцать лет назад перебралась в столицу, а всё же была совершенно неотёсанна. Одна её речь чего стоила! Громкоголосая Матрёна смело мешала в одну кучу русские и украинские слова, при этом щедро приправляла их смачными простонародными выражениями, не свойственными никакому литературному языку. Бесконечные семечки, борщи и вареники раздражали, а необъяснимая страсть к побелке просто бесила. Белила Матрёна Петровна всё, что попадалось ей под руку: печи, заборы, стволы корявых яблонь, створки шкафов. Её представления о красоте совершенно не совпадали с современными понятиями, и Люсе становилось страшно: неужели вся жизнь пройдёт в этой белёной мазанке, среди глиняных крынок с простоквашей и старомодных вышивок болгарским крестиком? Одно утешение – ходили слухи, что одноэтажные дома собираются ломать. Мечты о новой комфортабельной квартире будоражили Люсино воображение. Уж очень хотелось ни от кого не зависеть, быть самой себе хозяйкой.

Один за другим появились дети, сыновья Саша и Серёжа: мальчишки, конечно, миленькие, но уж очень непоседливые, никак за ними не уследишь. Такие озорники, хоть разорвись. И Люся разрывалась. Рвалась между работой и семьёй, между детьми и мужем. Казалось, что вся эта суета вроде бы и не жизнь, а только подготовка к чему-то настоящему, интересному, стоящему.

«Скорей бы новую квартиру дали да Митю в начальники отдела перевели...» – мечтала Люся, а сама стирала грязные ползунки и варила яблочное повидло.

Между прочим, Митя не очень-то оправдывал Люсины надежды. Человек он был неплохой, но уж очень мягкотелый, безынициативный. К карьерному росту не стремился, далеко идущих планов не строил, плыл себе по течению и всем оставался доволен. Такой уж Митя имел характер, никак его не переделаешь.

– Это не Иван, – втихомолку вздыхала Люся, а вслух избегала каких-либо сравнений. И правда, что вспоминать о прошлом. День за днём, год за годом тянулись бесконечные будни. Всё как-то само собой, всё – между прочим.

По пятницам муж загуливал. После окончания трудовой недели он вместе с друзьями направлялся в пивную, или на лавочку в сквер, или ещё куда-нибудь.

– Чему радуетесь? Что отмечаете? – ругалась Люся. – Великий повод, неделю кое-как скоротали! А дружок твой, Андрюха, помяни моё слово, до добра тебя не доведёт. Сам алкаш, и тебя пропойцей сделает!

Ворчала она обычно тихо, чтобы не разбудить детей, да и злости особой в этих словах не было. Ведь любая женщина знает: что кричи, что не кричи – всё равно ничего не изменишь, а так, для порядка, в воспитательных целях пошуметь надо.

Если бывают несчастливые дни, то этот – пятница, пятое ноября – был именно таким. Всё не ладилось. Праздничных премий не дали. Старший сын Сашка закончил четверть с двумя тройками, да ещё по самым важным предметам: русскому и алгебре. А ведь он уже учился в шестом классе, и надо было браться за ум, думать о дальнейшей судьбе. Свекровь с утра пребывала в дурном настроении. Сама Люся простыла: температурила и отчаянно хлюпала носом. Ну и, конечно, Митя пропал. Люся ещё несколько дней назад знала, что он загуляет. Разве он мог не отметить с друзьями день Великой Октябрьской Социалистической революции!

До двенадцати ночи Люся почти не возмущалась, но потом необъяснимая ярость стала наполнять и даже переполнять всё её существо, и так разбитое досадной простудой.

«Сколько можно шляться! – злилась она. – И, главное, где? На улице холодно, ветер пронизывает до костей. Все питейные заведения закрылись, к друзьям в такой час не пойдёшь – у всех семьи, жёны».

Дети давно спали. Свекровь выключила свет в своей комнате и, хотя по стариковской привычке ворочалась на скрипучей кровати, тоже дремала. Одна Люся не могла сомкнуть глаз. Она вглядывалась в промозглую темноту и всё думала и думала о чём-то тревожном. После трёх ночи ей уже было не до размышлений, а в пять беспокойное сердце не выдержало. Люся побежала к ближайшей телефонной будке (дома телефона не было) и дрожащим пальцем набрала номер Андрея. Хотя этот негодяй не вызывал особой симпатии, но сейчас был единственной связующей нитью между ней и Митей.

Андрей поднял трубку не сразу, видимо, спал. По голосу стало ясно – ещё не протрезвел.

– Что? Митя? Конечно, я видел его вечером. Мы же праздник отмечали. Это было вечером? Ну да, вечером. А сейчас что? Утро? А почему так темно? Люся, это ты? Что ты всё «Митя» да «Митя»... Я не знаю, где твой Митя... Я домой ушёл. А сейчас-то я где? Стол, табуретка. Ну, правильно, я и сейчас дома. А Митюхи у меня нет. Он, наверное, у себя дома... Спит, наверное... Кстати, с праздником тебя, Люся!

По улице одинокая женщина шла медленно. В воспалённом мозгу всё перемешалось. Хотелось куда-то бежать, спасти мужа или самой спастись.

«Надо поспать, – подумала Люся. – Хотя бы час или полчаса. Обязательно надо поспать».

Окончательно ясно всё стало только к полудню. Случилось непоправимое. Митя попал под позднюю электричку. Домой он возвращался затемно, наверное, хотел сократить дорогу и шёл через железнодорожные пути. Друзей почему-то рядом не оказалось, случайных прохожих тоже, поэтому никто ничего не мог рассказать вразумительно. Одни доводы да предположения.

Особых сбережений у Люси не было. Она хваталась за голову и уже прикидывала, у кого бы занять денег на похороны. Но тут помогла Матрёна Петровна. Она сама пришла в Люсину комнату, обняла молодую вдову и протянула ей тугий свёрток, по-деревенски обмотанный клетчатым носовым платком.

– Вот, примамай, – сказала свекровь. – Соби трохи на похороны зибрала, та напэвно не прыйшов час. Правду люди гуторят: смерть не за старым, а за поспелым.

Не сговариваясь, женщины приблизились друг к другу, склонили головы и безутешно заплакали.

Хоронили Митю по-богатому. Как положено, на третий день, то есть на самый праздник седьмое ноября. Всюду полыхали алые знамёна. В центре кладбища располагался обелиск с фамилиями революционеров, погибших в здешних местах. Прямо у этого обелиска проходил праздничный митинг. А чуть поодаль расположились музыканты, целый оркестр. И всюду корзины с цветами, траурные венки, ленты. Почему-то казалось, что вся эта торжественность создана специально для Мити, было даже непонятно, чем он заслужил такие почести.

– Раньше старики говорили, что если кого на праздник хоронят, так это очень хорошо для покойника, благодатно, что ли, – заключила тётя Шура. – День Октябрьской революции, конечно, праздник не церковный, но тоже не последняя дата в календаре. Видно, наш Митенька человек богоугодный, вот и призвал его Господь к себе. Царствие ему Небесное. Царствие Небесное и вечный покой!

Идя позади закрытого гроба, Люся, по своему обыкновению, не знала, куда деть руки, и всё теребила цветы, которые ей что-то напоминали. Потом неожиданно вспомнилось: точно так же она теребила свой свадебный букет.

«Почему это всплыло в памяти? – удивилась Люся. – Пятнадцать лет прошло. Да, незаметно минуло целых пятнадцать лет».

На поминки собрались все старые знакомые. Из Ленинграда приехала двоюродная сестра Татьяна. Её судьба была запутана и даже покрыта какой-то таинственностью. Ходили слухи, что Танечка сменила четырёх мужей и перенесла бесчисленное количество аборт, боялась, что беременность и роды повредят работе. Но большой карьеры она так и не сделала. Татьяна по-прежнему танцевала в Мариинке. Основным её достижением оставалась роль в балете Чайковского «Спящая красавица». Не главная, конечно, партия, но приходилось довольствоваться и этим. Век балерины короток, в спину уже жадно дышали более молодые и удачливые соперницы.

Давний приятель Андрей явился с опозданием. Выглядел он помято: затёртый пиджак, рубашка не первой свежести, засаленный галстук, сдвинутый набок. Андрей был сумрачен и, пока не выпил первую рюмку, нервно скрежетал зубами, яростно сжимая костяшки трясущихся рук, но после – размяк. Он много говорил, вспоминал Митю, их совместные встречи, дружбу и безвозвратно ушедшую юность.

– Совсем спился, – шепнула на ухо тётя Шура. – Жена бросила, живёт один, опустился.

Вид у Андрея был жалкий. Он сильно исхудал, кожа пожелтела. Под глазами нависли болезненные мешки, а лицо иссохло и стало напоминать череп, обтянутый тонкой безжизненной кожей.

– Он о здоровье своём молчит, – продолжала Шура. – Но люди-то всё знают. Скрывай, не скрывай, а тяжкий недуг сразу видно: цирроз печени!

Сама Шура, несмотря на преклонный возраст, промысла своего не забыла. «Купи-продай» было её второй натурой. Она забросила ширпотреб и переключилась на продукты питания, которые по благу ей приносили прямо на дом.

– Ноги совсем не ходят, прямо отваливаются, – жаловалась она Люсе. – Ты сама как-нибудь заходи. У меня и сервелат есть первосортный, и икра, и чай индийский. Приходи, не стесняйся.

Лев Иванович Герц, как всегда, отличался интеллигентностью. Он выразил соболезнования вдове и сказал много добрых слов о покойнике, которого не так уж хорошо знал. Сам он заметно постарел, да и как же могло быть иначе. Ведь столько пережить, столько вынести ещё не каждый сможет. Об истории Льва Ивановича старались молчать. Дело в том, что этот милейший человек оказался не в ладах с законом. То ли Герц на самом деле проворовался, то ли стал жертвой гнусной клеветы, никто доподлинно не знал. Но факт оставался фактом: Льва Ивановича уволили с занимаемой должности, осудили и выслали в неизвестном направлении. Долгое время о его судьбе ничего не было известно. Но спустя восемь лет Льва Ивановича всё-таки освободили (между прочим, досрочно, за примерное поведение). Герц даже смог вернуться в свою московскую квартиру, бережно сохранённую верной женой. Бывший заключённый держался молодцом. По-прежнему носил элегантные костюмы и шляпы, был в курсе политической и культурной жизни страны, но всё-таки что-то в нём изменилось, надломилось. Будто внутри сильного тела взяла да и лопнула какая-то маленькая, но очень важная пружинка. Свои слоновьи ноги Герц передвигал медленно, осторожно, как будто боялся оступиться, нервно вжимал голову в плечи и то и дело боязливо озирался по сторонам.

«Несчастный человек, вот уж натерпелся!» – подумала Люся.

В дальнем углу на диване сидела дочь Галины Семёновны. Судачили, что на материнские деньги ей удалось приобрести кооперативную квартиру и новенькие «жигули». Самой многоуважаемой Копилочки к тому времени уже не было в живых.

После похоронной горячки в доме стало необыкновенно тихо и сумрачно. Люся совсем опустила руки. Весь привычный мир рухнул, и трудно было представить, как жить дальше, что делать. На выручку пришла Матрёна Петровна. Она утешала, находила простые, но очень нужные слова, чтобы успокоить, подбодрить.

– Не хвляйся. Буду жива, да поможу, – обещала свекровь и клятву свою сдержала.

Люся целыми днями трудилась на производстве, а по вечерам работала на дому. Брала рукописные тексты и перепечатывала их. Дело это было нелёгкое, но доходное – пять копеек за лист. За несколько лет Люся стала настоящим виртуозом печатного мастерства. Работала быстро, грамотно, без единой помарки. У неё даже появилась своя личная клиентура. Какие только материалы не проходили через Люсины руки: художественная и техническая литература, доклады и диссертации, статьи и отчёты. До поздней ночи барабанила печатная машинка, а чуть свет нужно было уже бежать на работу. Матрёна Петровна хлопотала по дому, помогала справляться с мальчишками. Словно опытный полководец, она заставляла своих подопечных беспрекословно слушаться и повиноваться, при этом успевала по-отечески приласкать, да ещё обшить, обстирать, обгладить и накормить. Люся в шутку прозвала свекровь «наш Суворов». У Матрёны Петровны действительно были блестящие организаторские способности, а также народная смекалка и склонность к рационализаторству. На нескольких садовых сотках она разбила небольшой огород. Вырастила лук, морковь, петрушку и огурцы. Конечно, мелочь, но в хозяйстве подспорье хорошее. Без квашеной капусты и традиционного яблочного повидла Люся уже не представляла своего существования. К тому же она успела очень полюбить ароматный украинский борщ, который могла есть в любое время суток.

Суета и бесконечные заботы поглотили все Люсины мысли. Она перестала замечать быстротечность времени. Годы пролетали, а она не обращала на это внимания. Одна забота была: как бы успеть да не опоздать.

Однажды ночью Люся оторвалась от печатной машинки (сыновья и свекровь давно привыкли спать под её монотонный стук) и подошла к зеркалу. Мельком взглянула в зыбкую глубину, хотела уже отойти, но задержалась. Мутное зеркало в тёмной деревянной оправе (видимо, ещё из приданого Матрёны Петровны) отразило образ чужой, почти незнакомой женщины. Лицо её было уставшим, с тонкими морщинками на лбу и в уголках губ. Простая гре-

бёнка, давно потерявшая несколько зубцов, прилипла волосы. Старый, несколько раз чинённый пуховый платок укутал озябшие плечи.

– Неужели это я? – ужаснулась Люся и в нерешительности дотронулась рукой до головы, провела пальцами по шее. – Всего только сорок пять, ещё и жить-то не жила, а уже закат, увядание.

Однако как среди осенней непогоды встречаются иногда дни светлые, солнечные, так и в Люсиной судьбе случилась ещё одна любовь или увлечение... или недоразумение... Это уж с какой стороны посмотреть.

Писатель-диссидент Михаил Пиляцкий изредка публиковал политические статьи в полу-легальных изданиях. Но основным его занятием была работа над книгой, главы из которой и довелось перепечатывать Люсе. Пиляцкий слыл личностью незаурядной. Высокий, крупный, с длинными волосами и тёмной щетиной на подбородке, одевался Михаил в объёмные вязаные свитера и тёртые джинсы, привезённые друзьями из-за границы.

– А вы, Людмила Сергеевна, человек интересный, с тонким пытливым умом, – сказал Пиляцкий Люсе в ответ на её незначительное, но всё же меткое замечание по поводу стилистики текста.

Случайно брошенный комплимент возымел странное действие. Люся вздрогнула, покраснела и постаралась быстрее отойти в сторону, чтобы не выдать своего чрезмерного волнения. Это было необъяснимо, но Михаил ей нравился. Люся ругала себя на чём свет стоит: «Наваждение какое-то, блажь, чертовщина! Как можно влюбиться в человека, который на десять лет моложе тебя? Нужно забыть его, не видеть, не встречаться».

Но порвать отношения с Пиляцким было невозможно. В конце концов, она уже согласилась перепечатать восемь новых глав из его незаконченной книги.

Михаил был одинок, по его собственным словам, «свободен, как ветер в поле». Вскоре он стал навещать Люсин дом, заходил обычно под вечер как бы между прочим, так, поболтать часок-другой. Может быть, это были простые, ни к чему не обязывающие дружеские визиты, но опытные подруги уверяли, что мужики – народ коварный, они просто так палец о палец не ударят. Постепенно Люся и сама поверила, что встречи с Пиляцким не случайны и что-то да значат. Сам Михаил ничего не предлагал и не просил, но, когда Люся приглашала его попить чаю, всегда охотно усаживался за стол. Из серванта тут же выгружался фарфоровый сервиз с мелкими розочками и золотой каёмкой по краю чашек, а также вазочка с яблочным повидлом.

– Расцвела наша вдовушка, – говорили соседки. – Ишь ты, так и светится вся, любо-дорого посмотреть!

Люся действительно похорошела, даже помолодела. И на всё у неё стало хватать сил, будто второе дыхание открылось. Она принялась печь пироги, сшила несколько новых платьев (не всё же в обносках ходить) и даже достала давно забытые украшения (сколько им можно в шкатулке пылиться). А сама дожидалась вечера, гадая: «Придёт? Не придёт? Придёт? Не придёт?»

Михаил приходил, шумно усаживался за стол и начинал разговоры. Больше всего на свете Пиляцкий любил пофилософствовать. Рассуждал о политической жизни, тайных заговорах, об исторических фальсификациях и государственных интригах. Люся слушала внимательно, иногда вставляла свои реплики, что, впрочем, не очень и требовалось. Втайне от всех она даже прочитала несколько книг, упомянутых Михаилом. Не хотелось в его глазах выглядеть глупой и ограниченной.

– Ну как? Щойсь добре он тэбе гуторил? – выясняла Матрёна Петровна.

– Да так, ничего особенного, – пожимала плечами Люся.

– Ходять, та всё без толку! – недовольно хмыкала свекровь. Она терпеть не могла пустого времяпрепровождения.

– Опять писатель заходил? Что он хотел? – подчёркнуто равнодушно спрашивали сыновья. Они уже были студентами, но всё равно ревновали мать к посторонним.

Люся снова пожимала плечами и шла в свою комнату. Она и вправду не понимала, что хочет Михаил. Ей всё время казалось, что ещё немного, ещё чуть-чуть, и он скажет нечто очень важное, касающееся только их двоих. Но это «чуть-чуть» никак не наступало. Люся начинала сомневаться: «Может быть, я неправильно себя веду? Может быть, что-то не так делаю?» Ответов на эти вопросы не находилось. Пиляцкий будто не замечал её растерянности и всё толковал о политике, о книгах и о новых путях развития России. Между тем прошёл год. Минуло лето, и опять наступила зима. Люсины любовь достигла наивысшего накала. Она уже не могла таиться в душе, так и рвалась наружу. Во время очередного вечернего чаепития Люся почти не слушала разговорившегося собеседника. Она вздыхала, беспокойно теребила накрахмаленную салфетку, иногда подходила к окну и следила за плавным полётом пушистых снежинок. Почему-то вспомнились слова старого романса:

*Только раз, в холодный зимний вечер,
Мне так хочется любить.*

Люся чуть слышно рассмеялась, Михаил этого не заметил. Он был увлечён: эмоционально размахивал руками и декламировал какие-то выдержки из выступлений зарубежных политиков. Иногда их взгляды встречались. В глазах Пиляцкого было столько огня, столько живости, что Люся замирала в ожидании: «Ещё чуть-чуть, и случится нечто знаменательное. Ну не может он просто так смотреть! Сейчас признается в любви. Сейчас что-то скажет».

Но Михаил ничего важного не говорил. Откуда-то издали доносились обрывки путаных фраз: «Карл Маркс высказал гениальную мысль: бытие определяет сознание, но последующие политики всё исказили...», «Почему мы часто слышим пугающие речи окружающих о бирже, акциях и фондовом рынке в целом? Да просто потому, что эти понятия связаны с риском изменения привычного образа жизни...», «После введения Больцманом статистической трактовки энтропии как меры беспорядка она проникла в самые различные отрасли науки...»

– Какой-то бред, – ужаснулась Люся. – Зачем всё это нужно? Зачем мне это нужно?

Стемнело, а Пиляцкий не останавливался. Люся устала.

– Уже поздно, пора отдыхать, – сказала она.

Михаил поднялся из-за стола, направился к выходу. Он по-прежнему активно жестикулировал и никак не мог закончить сложную мысль.

– До свидания, – прервала его Люся.

Пиляцкий на секунду остановился и крепко сжал её руку. Люсино сердце замерло.

– А знаете, Людмила Сергеевна, я перечитал пятую главу своей книги и понял, что ваша точка зрения была верна. Тему математического моделирования исторических процессов необходимо расширить. Однозначно, надо расширить!

«Дурак! Самовлюблённый дурак!» – подумала Люся и захлопнула дверь.

Всю ночь она проплакала. Никогда подумать не могла, что снова будет рыдать из-за мужчины. А вот те на. Словно далёкая юность вернулась. Жалко было себя, жалко свои нерастратенные чувства, и обидно, что молодость пролетела, а она ещё не нарадовалась, не налюбилась. И ничего с этим не поделаешь.

Утром Люся поднялась с постели бледная, но спокойная. Всё встало на свои места. Будто пелена какая-то с глаз спала, туман рассеялся. Пиляцкого она больше в дом не пускала, ссылалась на головную боль, занятость на работе и проблемы с сыновьями.

– Что-то к вам писатель перестал заходить? – поинтересовались любопытные соседки.

– А мы с ним совместную работу закончили. Книгу он дописал, – спокойно ответила Люся и тихо добавила: – Интересный роман получился.

Частные дома всё-таки начали ломать. Но радости у Люси это не вызвало. Наверное, раньше эмоции были бы совсем другими, а теперь она одиноко бродила по комнатам и молча прощалась с каждой стеночкой, с каждым уголком. Особенно жалко было расставаться со старыми яблонями и садом. Люсиная квартира в блочной новостройке оказалась темновата. Она, как и прежняя комната, выходила окнами на северную сторону. И первое, за что принялась новоиспечённая хозяйка, как ни смешно это казалось, была побелка. Пришлось побелить потолок, изначально оклеенный голубовато-серыми обоями, покрасить белой краской оконные рамы, батареи и даже не совсем новый кухонный столик. В комнатах сразу стало светлее, уютнее. Матрёна Петровна получила отличную однокомнатную квартиру, большую роль в этом сыграло то, что во время Великой Отечественной войны она являлась участницей трудового фронта. Но в одиночестве Матрёна никогда не жила и жить не собиралась. Уже через неделю она перебралась к Люсе, отселив в свою квартиру старшего внука. Интерьер снова украсили вышивки, салфетки и думки ручной работы. Милые бесхитростные предметы давно стали для Люси привычными и родными. Кстати, по словам подруг, все эти крестики, рюшечки и цветочки уже не были нелепыми пережитками украинской глубинки, а являлись атрибутами современного и модного стиля прованс.

Видно, дело шло к старости. Всё чаще и чаще память начинала возрождать картинки из далёкого прошлого. Это просто парадокс, но Люся припоминала такие незначительные детали и подробности своей прежней жизни, что сама удивлялась, как всё это может сохраниться в глубинах человеческого мозга. Вторым парадоксом было то, что Люся, далёкая от технического прогресса, благодаря современной технике (точнее – телевидению) теперь могла наблюдать за судьбой любимых некогда мужчин. Просто волшебство какое-то, мистика!

Миша Пиляцкий добился больших успехов. После перестройки и последующих преобразований в стране он стал очень популярен. Книги Пиляцкого были переведены на разные языки мира и продавались большими тиражами. Сам писатель, сильно располневший и обрюзгший, вёл модную политическую программу на первом канале телевидения.

А однажды, включив всё тот же маленький кухонный телевизор, Люся увидела Ивана. На какое-то мгновение её словно парализовало. От неожиданности она так и застыла у экрана, по старой привычке теребя в руках скомканное вафельное полотенце. Сначала Люся даже подумала, что обозналась. Но всё совпадало: имя, фамилия, возраст и, главное, внешность. Несмотря на пролетевшие годы, Иван почти не изменился, только волосы поседели да черты лица заострились, стали более мужественными. Теперь он являлся депутатом Государственной думы от партии коммунистов и, судя по всему, пользовался большим авторитетом у своих соратников.

«Вот и славно. Вот и хорошо», – думала Люся. Старые обиды забылись, она давно уже не держала ни на кого зла, а потому даже обрадовалась, что когда-то близкие ей люди сумели найти себя, несмотря ни на что, выстоять и пробиться в жизни. Ведь это прекрасно, когда мужчины осуществляют свои мечты. А женщины? Ну что – женщины! Люся тоже кое-чего добилась. Сыновей она вырастила замечательных. Те обзавелись семьями. Люся сэкономила и на скопленные деньги смогла устроить детям шикарные свадьбы. Не многие в наши дни такие торжества закатывают! Появились внуки. Люся даже не представляла, что станет идеальной бабушкой. Уж сколько заботы и душевного тепла отдавала она своим ненаглядным внучатам! И всё было как положено, всё – слава богу.

Матрёна Петровна дожила до девяноста лет. Она перенесла два инсульта и последние годы была прикована к постели. Чтобы ухаживать за свекровью, Люсе пришлось уволиться с работы, но она не роптала, заботилась о больной как о родной матери, тем более что её собственные родители давно умерли.

Оставшись одна, Люся продолжала заботиться о детях и внуках. По-прежнему варила традиционные украинские борщи и своё фирменное яблочное повидло, а по вечерам выходила

на воздух, садилась на лавочку у подъезда и замирала от удовольствия. Тишина, покой. Что ещё нужно пожилому человеку? Люся прикрывала глаза, подставляла лицо ласковым лучам заходящего солнца и тут же погружалась в мечты. В этих видениях не было места унынию и старости. Только свет, только радость, и тысячи открытых дорог, и совсем юная Люся. А ещё Ваня, всю жизнь сражавшийся за коммунистическую партию, Миша, борющийся против неё, и иногда муж Митя – тоже, в сущности, человек очень хороший.

Одна беда: здоровье начало подводить. Ноги не слушались, голова кружилась, и, главное, сердце начало барахлить. Врачи предлагали операцию. Люся отказывалась, но врачи настаивали. Она подумала и легла в больницу. Персонал там был хороший. Особенно понравился Люсе врач-анестезиолог, такой вежливый, внимательный.

«Кого-то он мне напоминает», – думала Люся, но никак не могла вспомнить, кого. Целый день она мучилась в сомнениях: «Может быть, он похож на моего учителя? Нет. Может, на соседа с третьего этажа? Нет. На продавца из хозяйственного отдела?..»

Разгадка пришла сама собой. Да такая простая, такая смешная разгадка! Люся улыбнулась. Врач-анестезиолог был похож на доктора Айболита из детской книжки. Вот и всё, просто на доктора Айболита.

Операцию Люся не перенесла. Многие знакомые говорили после, что, может быть, не надо было вовсе к хирургам под нож ложиться. Но медики утверждали, что надо. Просто Люсино сердце за прожитые годы совсем истрепалось, стало похоже на ветхую тряпочку. Понятное дело, с такой сердечной мышцей долго не протянешь. Тут уж делай операцию, не делай – медицина бессильна.

– Если бы не слабое сердце, могла бы прожить ещё лет пятнадцать-двадцать, – толковали всезнающие старушки.

III

Трудно сказать, понравилось бы это Люсе или нет, но квартиру её решено было продать, а деньги поделить между наследниками. Одежду раздали пожилым соседкам, мебель забрали родственники, кое-что выбросили на помойку, чайный сервиз, вазочку для яблочного повидла и статуэтку «Фарфоровые гимнастки» сдали в комиссионку. И не осталось от Люси ничего, что могло бы напомнить о её существовании. Только потёртый чемодан с фотографиями, который за ненужностью отправили на дачу пылиться на чердаке до скончания веков. Но чемодану повезло. Его нашла и открыла молоденькая девушка. Между прочим, она была Люсиной внучкой и имя своё – Людмила – получила тоже в честь бабушки.

Людочка приехала на дачу, чтобы подготовиться к вступительным экзаменам. Ещё совсем недавно она хотела стать фотомodelью, блистать на обложках глянцевого журнала, но ведь это очень сложно, и до положенных метра восьмидесяти будущая топ-модель не дотягивала. Лучше быть певицей, сниматься в модных клипах и раздавать автографы обезумевшим от счастья поклонникам. Эта идея тоже вскоре отпала. Людочка решила заняться бизнесом. Но вот каким? Непонятно. Ещё она мечтала стать лётчицей, потом ветеринаром, но в конце концов надумала поступать в экономический. Во-первых, туда поступала подруга Светка, а во-вторых, экономист – это очень перспективная специальность.

Нужно было готовиться к экзаменам, но тут наступило лето, жара. Делать ничего не хотелось. Людочка раскрыла потёртый чемодан и стала перебирать фотографии. На одной из них, жёлтой и потрескавшейся, разместилось большое семейство. Мать и отец чинно восседали на массивных стульях с высокими спинками. Вокруг дружной стайкой расположились дети. Люда знала, что один из малышей, кажется, тот, что сидел на руках у матери, являлся то ли её прапрадедушкой, то ли прапрабабушкой. На другой фотографии был изображён какой-то мужчина с печальными глазами, одетый в военную форму, может быть, белогвардейскую или красноар-

мейскую, сразу и не разберёшь. Юная танцовщица застыла в картинной позе: руки сложены на пушистой пачке, атласные пуанты вытянули острые носки. Рядом – дружный трудовой коллектив, на обратной стороне фотографии мелкая подпись: семинар в Кирове, 1956 год. А вот изображение молодого загорелого парня, только что вышедшего из моря. На нём длинные плавки-шорты, такие недавно снова вошли в моду. Парень смеётся, ногой упирается в прибрежный валун, внизу снимка короткий росчерк: «Ялта». И ещё какие-то женщины и мужчины, чьи-то свадьбы и похороны, чёрно-белые летописи чужих жизней. Одна фотография вызвала у Людочки особый интерес. Это был портрет маленькой девочки, держащей на руках тряпичную куклу. Обе, и кукла, и девочка, такие хорошенькие, в нарядных платьях с оборочками, с пышными кудряшками и бантиками, просто ангелочки. Людочка сразу вспомнила своё детство, она была очень похожа на девочку с фотоснимка, такая же белокурая, голубоглазая, с нежными розовыми щёчками и капризными пухлыми губками. Когда-то Людочку тоже водили в фотоателье, и она никак не хотела сниматься без своей любимой куклы, а потом долго ждала, когда же вылетит птичка, но птичка так и не вылетела...

Люда отложила потускневшие фотографии. Она вышла на крыльцо, расправила плечи, вдохнула тёплый июньский воздух. Как же хорошо было на улице! Высокие деревья склонили свои густые ветви, ласковое солнце пробивалось сквозь яркую зелень. И старый истрёпанный чемодан, и люди, изображённые на полуистлевших фотографиях, вдруг показались призрачными миражами из далёкого прошлого. Всё это было ненастоящее, несерьёзное. Какие-то игрушечные персонажи, кукольные судьбы. Истинная жизнь кипела здесь и сейчас. Столько желаний, надежд, столько непройденных дорог, столько возможностей!

Девушка улыбнулась и медленно побрела по петляющей садовой дорожке. Она мечтала о счастье, и мечты её начинали сбываться. Кстати, первое увлекательное приключение с Людочкой уже произошло. Несколько дней назад она влюбилась...

Выполнено!

I

Так уж повелось, что после сытного обеда в заводской столовой начальнику пожарной части Николаеву очень хотелось блеснуть перед окружающими своей молодецкой удалью. Вот и в эту пятницу, возвращаясь на рабочее место, он гордо приосанился: плечи назад, грудь колесом. Пусть все видят – человек в военной форме, а не какой-нибудь гражданский. Николаев шагал размашисто, твёрдо, иногда приостанавливался, чтобы поздороваться со знакомыми сотрудниками, и вновь продолжал своё уверенное движение.

«Вот – просторный холл первого этажа. На стоящем в углу огнетушителе опять отсутствует паспорт, где отмечаются даты проверок. Кому только в голову приходит отрывать эти карточки?»

– Здравствуйте, Валерий Сергеевич.

«Узкий тамбур, ведущий в пристройку. Пожарный кран. Дверь пожарного шкафа открыта. Понятно.

Уборщица Люба повадилась ставить сюда свой нехитрый инвентарь».

– Тамара Викторовна! Зайдите ко мне на следующей неделе. Я рассмотрю новую инструкцию.

Резкий разворот на устойчивых каблуках.

– Приветствую вас, Иосиф Михайлович!

«В светуказателе “выход” перегорела лампочка. Впереди крутая бетонная лестница. Миловидная девушка робко остановилась у окна. Стрижка каре. В руках сигарета и зажигалка. Новенькая из бухгалтерии».

– Здравствуйте, барышня. Вы догадываетесь, кто я такой? Перед вами начальник специальной пожарной части Николаев. Как лицо уполномоченное заявляю, что курение в этом месте строго воспрещается.

– Ой, я не знала.

– За нарушение порядка на режимном предприятии я обязан выписать вам штраф...

– Ой, простите!

– ...А также сообщить об этом досадном инциденте руководителю вашего подразделения. Вы ведь работаете в бухгалтерии?

– В бухгалтерии. Только, пожалуйста, ничего не говорите моему начальнику!

– Я, конечно, понимаю, что вам грозит выговор, может быть, даже увольнение.

– Прошу вас, не надо выговор! Не надо увольнение! Начальник пожарной части лишь сощурил глаза.

– Разве вам неизвестно, что место для курения находится на третьем этаже?

Необходимый эффект оказался достигнут. Девушка побледнела и взволнованно залепетала:

– Простите, извините, этого больше не повторится! Каждый раз подниматься на третий этаж тяжело, поэтому...

Николаев ещё раз пристально посмотрел на нарушительницу, непреклонно качнул головой, сурово повёл бровью. Дождавшись наибольшего накала страстей, он всё-таки сменил гнев на милость:

– Хорошо, будем считать, что вы поняли свою ошибку. Также можно принять во внимание, что вы не курили, а только собирались прикурить сигарету.

- Да, да. Только собиралась...
- Но если ещё раз!..
- Никогда!
- Вдруг я увижу?..
- Ни за что!

Николаев круто развернулся на каблуках.

- Не понимаю, что в этом сложного. Подумаешь, подняться на третий этаж. Смотрите!

Прошла секунда, и он уже летел вверх по лестнице. Шагая через ступеньку, легко преодолел лестничный марш, ещё один и ещё. Вскоре заданная высота была взята. Квадратные каблуки бодро стучали по паркетному полу третьего этажа. Девушка с удивлением смотрела на опустевшую лестницу, а Николаев довольно хмыкнул себе под нос: «Ну что, съела? Да если бы не солидная должность и подполковничьи погоны, я бы на третий этаж по перилам взбежал. Рано меня ещё в старики записывать, милочка, рано. Есть ещё порох в пороховницах!»

Вот и помещение пожарной части. Николаев резко открыл дверь, внимательно оглядел свои владения.

- Капитан Сычёв!
- Так точно.
- Почему находишься в расположении части?

– Разрешите доложить. Только что вернулся с территории объекта, чтобы сделать необходимые записи в служебных журналах.

– Врёшь, шельмец! Ты, поди, уже целый час тут околачиваешься, баклуши бьёшь. А на твоём закреплённом секторе, между прочим, полный бардак. Огнетушители без паспортов, в пожарных шкафах швабры с вёдрами пылятся, светоуказатели не горят. Люди курят где попало! Быстро на объект устранять указанные замечания!

Командир устрашающе заворочал глазами и, не дожидаясь ответа, скрылся за порогом своего кабинета.

II

- Уф! – тяжело выдохнул Николаев.

Оставшись один, он устало рухнул в глубокое кожаное кресло и наконец-то перевёл дух. Одышка замучила, да ещё проклятый радикулит одолел. Который день не давал покоя, так и грыз поясницу. Вытирая вспотевший лоб, начальник смотрел в открытое окно, за которым простирался вид заводского двора. Пейзаж этот на первый взгляд был неказистый, но для Николаева дорогой и очень любимый. Родной, можно сказать, ландшафт. Почти тридцать лет на этом месте в должности руководителя пожарной части – это не шутки! Конечно, многие уже давно мечтали проводить стареющего начальника на пенсию, но тот не сдавался, изловчался-таки продлить срок службы. Теперь наступили другие времена, и Николаев понимал, чувствовал: всё, конец – пора уходить.

«Но как уходить-то? – размышлял будущий пенсионер, по-прежнему глядя в окно своего кабинета. – Ведь меня здесь каждая собака знает. Я нынешнего директора ещё молодым специалистом помню! Вот заводская труба, до боли знакомая. Производственный корпус, опять же, при мне строился. Дальше гараж, переплётная мастерская. Работала там одна... Пышненькая... Такая загаристая была... Теперь уже бабушка. А что это Степаныч из столярки тащит, оглядывается? Ну так и есть, доска. Надо же, какая хорошая, дубовая. Видно, Степаныч на дачу её присмотрел. Эх, и мне бы такая доска не помешала».

В мечтах Николаев был уже на даче. Там огурцы не политы, трава не скошена.

«И вот вместо того, чтобы делом заниматься, сиди в душном кабинете, жди окончания рабочего дня. Фу-ты ну-ты, глупость какая!»

Пора действительно стояла чудесная: тёплая, ласковая. В конце июня даже самый зако-ренелый горожанин – и тот тянется к природе.

«Опять же, про дачу, – горячился Николаев. – С осени стеклянный переход между старыми корпусами разбирать будут. Все отходы – на свалку. А из этих стёкол такой парник чудесный сделать можно, загляденье! Так нет ведь, фиг тебе, а не парник, уходи на заслуженный отдых! Ещё забор на своём участке хотелось поменять, снять сетку-рабицу и поставить как у соседа: металлический, с раздвижными воротами. Да разве на пенсию такой забор справишь? Раньше обо всём этом думать надо было. Эх, дурак я, дурак! Столько лет не тем, чем нужно, занимался. Всё служба, дежурства, строгость да дисциплина. А надо было с умных людей пример брать, побольше о себе печься: всё в дом, всё в семью. Теперь на старости лет упущенного не наверстаешь. Скоро вышвырнут, как соль из солонки, вот вам и спасибо – до свидания!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.